

(приключенческая повесть для подростков)

Глава первая

— Командующему Генеральным штабом генералу Веллен-Овьербе, — диктует отец.

— Две л или одна? — спрашиваю я, задержав палец на клавише. Глупо, но я опять это забыл.

Отец не сразу меня слышит.

— Камиль, это не важно! Если они сей же час не усилят охрану дворца!..

У меня дрожат руки. Два часа назад мне крепко попало за опечатку в слове «переговоры». А сейчас отцу всё равно. Мы звонили в этот проклятый Генштаб. Мы им телеграфировали. И теперь зачем-то пишем это письмо, чтобы отправить его в бронированной машине с курьером.

Если те, кто перед дворцом, пропустят машину.

Если курьер не сбежит, как секретарь отца. Как и многие другие за последнюю неделю.

Если в Штабе ещё кто-то остался и хочет нам помогать. Наши акции упали настолько, что это вряд ли в их интересах.

— Ну, живее! — кричит отец. — Ты, что, уснул?

«Я не спал двое суток, — хочу возразить я. — Мне шестнадцать лет. Я не должен сидеть в осаждённом дворце и печатать депеши». Но я молчу: отец точно не спал неделю.

Так, покрикивая друг на друга, дописываем это письмо. Стоя у окна, провожаем глазами машину. Пулемётная очередь, вторая, ещё одна. Автомобиль с разбитыми стёклами выезжает за ворота.

— Не смей стоять у окна! — спохватывается отец. Оттаскивает на середину комнаты.

— Ты же знаешь, они не стреляют по окнам. Мы нужны им живьём. На Площади Революции они построили гильотину.

Отец бьёт меня по лицу:

— Не смей читать эту дрянь!

Как же не читать, когда газеты разбросаны по всей комнате. Каждый раз, выбираясь в город, наши приносят свежую порцию ужасов. Отец читает всё и постоянно куда-то звонит. По номерам, где давно не отвечают. Он всё время кричит и сильно охрип. Когда голос срывается, отец хватается пепельницы, пресс-папье, даже стулья — и швыряет в оставшихся соратников. Неудивительно, что желающих умирать за идею всё меньше и меньше.

— Иди спать! — приказывает он мне, когда за окнами темнеет. Мы прождали курьера три часа. В гараже дворца остались две последние машины.

— Быстро спать! — повторяет отец. Он в пальто, суёт в карман паспорт.

— Ты куда?

Он принимается бормотать какую-то нескладицу: про парламент, про Генеральный штаб, про надёжных людей, которые ждут сигнала. Ему нужно двигаться, понимаю я. Ему нужно на воздух. Ему трудно поверить в то, что все его предали.

Я спускаюсь, иду его провожать.

— Ты несовершеннолетний, — твердит мне отец, застывая у двери гаража.

— Ты должен им сразу об этом сказать... Если меня долго не будет. Не запирайся в комнате. Они озвереют. Не смей хвататься за пистолет. Не подходи к окнам.

Меня поташнивает и качает.

— Я поеду с тобой.

— Нет, — отец трясёт головой. — Слишком опасно.

— С тобой будет Вернер. Он не предаст, — добавляет он, прощаясь со мной взглядом.

Он оставляет телохранителя.

Отец садится за руль, кинув на переднее сидение стопку каких-то документов.

У него бескровное лицо, мёртвые глаза. «Он заснёт за рулём, — думаю я. — Заснёт, если они не будут стрелять. Лучше бы они для вида стреляли».

Они бросают гранату. Яркая вспышка света.

Автомобиль замирает и, кажется, секунду висит в воздухе. Потом катится дальше. Я очень надеюсь, что не по инерции.

Видимо, они не поняли, кто за рулём. Фонари на площади не горят со вчерашнего дня. Площадь освещается всполохами факелов. Они перемещаются вместе с осаждающими. Видимо, отцу повезло. Если бы они узнали его, они бы не дали ему проехать.

Никто не понимает, в какую они играют игру. Возможно, на той стороне площади стоит второй кордон, который всех арестовывает. Было бы слишком просто, если бы его не было.

Я прислушиваюсь, жду новых выстрелов или взрывов. Их не слышно. Притворяю входную дверь и иду искать Вернера.

Ни в одной из комнат трёх этажей его нет. Похоже, верный Вернер испарился раньше, чем отец успел со мной проститься.

Дворец пуст. Эта мысль парализует меня. Я сажусь на ступеньку лестницы и плачу.

Дворец пуст, а им надо кого-то казнить. В их глазах я сын диктатора. Можно сколько угодно оправдываться, что это не так. Что мы правые, они — левые, и разница только в том, что мы за реформы, а они за революционный террор. Но они не услышат. Им нужен эффектный штурм. И они уже построили гильотину.

«В гараже последний автомобиль», — шепчет внутренний голос. Вернер его не взял, какой бы ни был скотиной.

Возвращаюсь в гараж, свечу фонариком. Все покрышки, конечно, прострелены.

Верный Вернер. Надеюсь, он не украл пистолет. Тот, отцовский, который лежит в столе. Рядом с фотографией матери и снотворным.

Неужели я ещё способен бежать по лестнице?

Нет, на месте. Верчу пистолет в руках. Чем он мне, интересно, поможет?

Я не хочу ни в кого стрелять, тем более в себя. Мне шестнадцать лет, мне нравятся девушки, у меня рождественские каникулы. Были, во всяком случае.

Шум на площади, кажется, нарастает. Штурм будет в ближайший час. Сколько у меня времени?

Может, сдать? Но на площади слишком темно. У меня чёрное пальто. Они не увидят, что я вышел с поднятыми руками.

Слишком холодно, чтобы идти в рубашке.

Или взять простыню? Белый флаг капитуляции?

Я смотрю на кровать и слышу голос отца. «Быстро спать!» — повторяет он. Может быть, это единственный выход? Они не станут в меня стрелять, если я буду лежать. Если я проглочу все облатки, через час я точно не буду шевелиться.

Это не так необратимо, как пистолет. Если я кому-то нужен живым, они успеют.

Глава вторая

Меня рвёт. Мою голову держат над каким-то заржавленным тазом. Там пузырится розоватая пена. Смотреть на неё противно. Закрываю глаза. Меня бьют по щекам, и, схватив за волосы, заставляют поднять голову. Заливают в рот мерзкий раствор с привкусом марганцовки. Меня рвёт снова.

Видимо, я сильно ослаб. Меня бьёт озноб. Мне так холодно, что тело сводит судорогой. Я прошу, умоляю укрыть меня тёплым одеялом.

Наконец, приходит тепло, темнота и покой. Пытка кончилась. Это всё-таки больница, не застенок.

Когда я открываю глаза, в комнате светло, как в полдень. Это полупустая, незнакомая комната. Молодой военный с ёжиком соломенных волос сует мне в рот градусник. Смотрю на его погоны. Как и следовало ожидать, на них символика победителей.

— Ему лучше, — говорит мой лекарь, поглядев на шкалу. — Температурка

сомнительная.

— Он сможет встать? — спрашивает другой, грубый и низкий голос.

Поворачиваю голову. У двери стоят двое солдат.

— Сможешь? — спрашивает военврач. Мягко, почти ласково. Какие мы вежливые!

Я откидываю одеяло, сажусь на кровати. Голова кружится, но жить можно. Лучше встать, пока просят по-хорошему.

Мне приносят рубашку и брюки — мои, чистые, пахнувшие душистым мылом. Помогают переодеться. Труднее всего натянуть носки — наклоняясь, я теряю равновесие.

Я встаю. Солдаты подхватывают меня под руки и выводят (или выносят) из комнаты.

Долго тащимся каракатицей по длинному коридору с дубовыми панелями. Это не Дворец Революции, где работал отец, другое учреждение. Воздух спёртый, казённый. На лестницах караульные. Куда я попал? В тюрьму для политических преступников? В суд? В трибунал? В закрытую больницу?

Гляжу в окно у лестницы. Узнаю толстую башенку на массивной стене замка. Я в Крепости — резиденции средневековых королей, ставшей оплотом левых.

Спускаемся на этаж ниже. Мои провожатые распахивают ближнюю дверь, заводят меня. Усаживают на венский стул перед столом, за которым сидит следователь. У него рыжие усы и равнодушное лицо. Он в сером костюме.

— Я рад, что тебе полегчало, — говорит он и пытается улыбнуться, но я чувствую, что ему всё равно. — То, что ты сделал, было глупо.

Опускаю глаза, смотрю на ботинки и пытаюсь сосредоточиться. Я ещё не понял, разговаривают они со мной как со взрослым или как с ребёнком. Надо выбрать стратегию поведения. Но взрослым быть страшно. Придётся им что-то доказывать. За это могут отправить на гильотину.

Передо мной ставят чашку чая на блюде. За соседний стол садятся военные и секретарь, и допрос начинается.

— Где твой отец? — спрашивает следователь, заглядывая мне в глаза, и от волнения у меня в животе снова начинаются рези.

Они тоже не знают! Может ли это значить, что он жив, что он

в безопасности? Или в морге гора неопознанных трупов?

Следователь не отрывает от меня взгляд. Мотаю головой. Протоколист недоволен.

— Потрудись открывать рот, — огрызается он.

— Я не знаю, — говорю я, и секретарь записывает. Лучше их не злить. Они предельно серьёзные. Скидки на возраст не будет.

— Не советую врать, — говорит следователь, и его взгляд становится жёстким.

— Я не вру, — бормочу я, готовый расплакаться. Звучит жалко, по-щенячьи.

— Давай без нытья, — бурчит пожилой майор. — Мы не собираемся тебя бить или трясти перед носом револьвером. Но поверь, мы найдём способ проверить твои слова. И в твоей ситуации лучше говорить правду.

«В моей ситуации?» — хочу переспросить я, но, естественно, не решаюсь.

— Мы знаем, что ты был секретарём отца, — меняет тему следователь. — Нам нужна вся возможная информация. Куда звонили, писали, кто приходил, особенно за последнюю неделю.

Я, действительно, пытаюсь вспомнить. От этого кружится голова. Проще сказать, куда мы не звонили. Не звонили в прачечную, в театр, в зоопарк. В игорные дома и старьёвщикам.

Видимо, я невольно улыбнулся — слегка. Лицо майора побагровело.

— Что смешного? — заорал он. — Ты понимаешь, кретин, что ты тут один? Что произошла революция? Что твой отец бросил тебя на произвол судьбы, а сам скрылся?

Слёзы обиды текут у меня из глаз.

— Это неправда! — кричу я в ответ. — Мой отец никогда бы меня не бросил!

Дверь открывается, из коридора заглядывает военврач. Смотрит на моё заплаканное лицо. Робко предлагает:

— Советую прерваться.

Как ни странно, мои мучители соглашаются.

Меня возвращают в комнату. Юный доктор измеряет температуру, делает успокоительную инъекцию. У него аккуратные женские руки.

— Не дразни их, — по-свойски советует он. — Скажи сразу всё, и это не повторится.

Кажется, он немногим старше меня, и он ко мне добр. Я чувствую к нему симпатию.

— Я не хочу ничего скрывать, — тихо говорю я. — Но мне трудно вспоминать имена. Будет проще, если мне дадут телефонный справочник.

Военврач, улыбаясь, кивает головой. Через пять минут справочник лежит у меня на кровати. Я удобно устраиваюсь, беру карандаш и помечаю галочкой знакомые фамилии. Министров, генералов, сотрудников посольств, секретарей, журналистов, курьеров, одиноких дам, которые приходили к отцу, скорее всего, по личным вопросам. Я знаю, что я предатель, но мне всё равно. Я точно не первый, кто предал.

Похоже, следователь и компания довольны моей работой. Они больше не таскают меня к себе, эпизодически появляются у моей кровати с вопросами, и при этом подчёркнуто вежливы. Юный доктор закармливает меня сладкой кашей и постоянно твердит, что мне надо хорошо кушать, чтобы поправиться. Он разрешил мне называть его Густавом.

Я прошу у него свежие газеты, и мне их без вопросов приносят. Первым делом я ищу фотографии гильотины и списки казнённых, но их нигде нет. Более того, нигде нет ужасов. Это не те газеты, которые выходили вчера. Даже тон передовиц изменился. Ставшее привычным глумление над кабинетом отца и призывы к расправе сменились обещанием прекрасного будущего. По улицам ходят счастливые дети и без опаски едят мороженое. Девушки фотографируются на фоне Дворца Революции. Все о чём-то мечтают и делятся планами. Один я лежу лицом к стене в комнате, запертой снаружи, и не могу уснуть, потому что не уверен, что завтра будет.

Глава третья

Утром звонит отец. Я очень хорошо это утро помню. Мы завтракаем с Густавом за столом в моей комнате. Он пытается развеселить меня рассказами о том, что красных курсисток можно целовать на первом свидании. Я никогда никого не целовал и не могу понять, врёт он или нет. Судя по его болтовне, Густав нравится девушкам, и опыт у него по этой части изрядный.

Дверь открывается, входит пожилой майор. Вид у него довольно загадочный. Понимаю, что произошло что-то важное.

— Камиль, — говорит он дружелюбно, как будто бы вчера не кричал на меня.
— Тебя к телефону.

Вскакиваю с места.

— Это... — от волнения у меня перехватывает дыхание.

— Да, — спокойно кивает он. — Твой отец.

— Он в городе?

— Нет, — усмехается майор. — И даже не в стране. Будь он близко, мы бы по-другому с ним разговаривали.

Его мрачная ирония убивает то кратковременное чувство безопасности, что навеяли фантазии о красивых курсистках. Об их губах, волосах, ладошках, пуговичках на блузке.

Мы молча идём по унылому коридору. Я не тороплюсь: у меня такое предчувствие, что разговор меня ждёт не самый приятный. Он позвонил им, они позвали меня, значит, ведётся торг. Отец — человек упрямый. У него есть счета и собственность за границей. Он заплатит какой угодно выкуп, только проблема в том, что они этого не попросят.

В просторной бильярдной с мраморным камином нас ожидают чуть ли не все первые лица нового кабинета. Многие раньше бывали у нас на домашних приёмах, смеялись, пили шампанское, шутили со мной, флиртовали с дамами. После смерти матери (от родов, из-за меня) отец не женился снова. Его всегда окружали утончённые женщины, и дом наш был устроен на холостяцкий манер. К нам приходили не только когда обсуждали политику. Когда хотели развеяться. Стоит ли говорить о том, что все эти приятные люди сейчас меня не узнали?

Поль Монтрен, новый премьер и главарь революции, говорит по телефону с отцом. У него грубые черты рабочего, производящие впечатление в статьях про борьбу с коррупцией. И костюм от лучшего портного.

— Это совершенно исключено, — возражает Монтрен металлическим тоном.
— Вы прекрасно понимаете, что этого никогда не будет.

Кто-то предупреждающе кашляет. Монтрен оборачивается и замечает меня.

— Ваш сын, — говорит он отрывисто в трубку.

Я подхожу к аппарату, чувствуя, как бьётся сердце.

— Папа, — лепечу я и удивляюсь, когда слышу его ровный, спокойный голос.

— Камиль, как дела? — интересуется он. — Что за ерунда, зачем ты травился?

Я громко вздыхаю, не зная, что сказать. Не дожидаясь ответа, он продолжает:

— Не переживай. Всё будет хорошо.

— Ты приедешь за мной?

Он молчит. У меня дрожат руки. На губах у Монтрена появляется ухмылка.

— Да, конечно, Камиль. Конечно, приеду, — говорит отец уклончиво.

— Я жду.

— Не бойся и не болей. Мы обо всём договорились с господином Монтреном. О тебе позаботятся.

— Ты не ранен?

— С чего бы? — с напускной лёгкостью отвечает отец. — Я совершенно здоров и отличнейше выспался.

«А я плохо сплю», — хочу уколоть его я, но вспоминаю, что нас слушают.

— Хорошо, — говорю я, чтобы заполнить паузу, и понимаю, что говорить больше не о чем. Рассказать отцу, что я сдал по справочнику всех его знакомых?

Монтрен берёт у меня трубку.

— Ну-с, продолжим, — говорит раскатисто он. Он кивает стоящему у двери пожилому майору, и меня ведут к выходу.

В коридоре я решаю, что нет смысла тянуть и задаю вопрос:

— Если это возможно, я хотел бы узнать, какие условия переговоров.

Майор останавливается и строго смотрит на меня. Я опасаюсь новой вспышки гнева.

Вместо этого он пожимает плечами.

— Да простые. Отказ от всех притязаний. Никакой интервенции.

Сердце ёкает. На это отец точно не пойдёт! Он очень самолюбив и после поражения захочет отыграться.

— Чего приуныл? — усмехается офицер. — Отец же любит тебя? Больше, чем свои амбиции?

Я никогда не ощущал любви отца. Ни разу на моей памяти он не был со мной нежным. Он мог быть равнодушным, придирчивым, непреклонным, грозным, но любящим — извините. Мне всегда казалось, что он присматривается ко мне и просчитывает, подходящий я ему преемник или нет. Из какого я теста.

В комнате я долго стою у окна и смотрю на прогуливающегося внизу часового.

Соглашения не будет. Жизнь кончилась. Им будет нужен мой труп, чтобы поставить точку. Для протокола, для истории. Вопрос только в том, понадобится ли им публичная казнь или ласковый доктор вколет мне что-нибудь, от чего долго не мучаются.

— Камиль? — раздаётся его встревоженный голос у меня за спиной. Меня передёргивает.

Густав внимательно смотрит мне в глаза и, кажется, всё понимает.

— Ну, не кисни! — говорит он наигранно весело и хлопает меня по плечу.
— Завтра ты увидишь девчонок!

— Вы о чём? — спрашиваю я ошарашенно. Его слова звучат как очень неудачная шутка.

— Я о том, — говорит Густав, уже откровенно смеясь, — что завтра ты пойдёшь в школу.

— А зачем? — изумляюсь я.

— Как зачем? — переспрашивает Густав. — Ты же не закончил гимназию.

— Теперь и не закончу.

Густав обнимает меня, я чувствую его тепло, его участие и плачу.

— Не надо так, — говорит он, гладя меня по волосам. — Я понимаю, тебе тяжело. Но мы тоже не звери. Тебе нужно расслабиться, отвлечься, перестать думать о плохом. Тебе нужна перемена обстановки.

Следующие главы:

http://proza.kz/ru/prose/out-of-genre/54853.dina_mahmetova.yunost-v-galerii

Примечания.

1. Галерия в тексте — не коммуна на Корсике, а вымышленная европейская страна с франко-немецкими корнями. Действие происходит в середине двадцатых годов двадцатого века.

2. Армерия — другая вымышленная страна, граничащая с Галерией, помогающая вернуть власть отцу Камиля Фиаца.